

РЕЦЕНЗИИ

УДК 88:1
DOI 10.17223/18137083/61/26

И. И. Плеханова

Иркутский государственный университет

Путеводитель по художественной реальности

Рецензия на книгу:

**Русская литература XX века: Учеб. пособие: В 2 ч.
2-е изд., испр. и доп. / Под ред. Т. А. Никоновой. Воронеж:
Изд-во Воронеж. ун-та, 2016. Ч. 1: Человек и художественная
реальность в литературе 1890–1940-х годов. 484 с.**

Анализ учебного пособия оценивает заложенную в нем концепцию истории литературы, объединяющую Серебряный век и 1920–30-е гг., принципы отбора материала (направления и авторы), соотношение фактологии и интерпретации художественного текста. Авторы рассматривают литературный процесс в связи с социокультурными и историческими событиями, но особое внимание уделяется изменению менталитета – формированию неклассической картины мира и ее влиянию на эстетику, этику и возможность поддержания национальной культурной традиции. Литературный процесс показан в свете эстетических универсалий – моделей онтологического и ценностного самосознания человека. Это универсалии культуры (вторая смыслогенерирующая реальность), времени (движущая энергия), живой жизни (всеохватный процесс, непрекращаемая сила, требующая непрерывного самообновления). Историческая преемственность разных эпох показана как созревание национальной философии жизни – стихии, воли истории, неизбежного эпического начала.

Ключевые слова: история литературы, неклассическая картина мира, универсалии, традиции, Серебряный век, революционная литература, социалистический реализм.

Любой учебник по истории литературы решает три задачи: выстраивание концепции художественного процесса, убедительный выбор авторов и произведений, соотношение фактологии (события, даты, декларации, биографии) и интерпретации (раскрытие эстетических идей, тем, проблем, психологизма и поэтики тек-

Плеханова Ирина Иннокентьевна – доктор филологических наук, профессор кафедры новейшей русской литературы Иркутского государственного университета (ул. К. Маркса, 1, Иркутск, 664003, Россия; oembox@yandex.ru)

ISSN 1813-7083. Сибирский филологический журнал. 2017. № 4
© И. И. Плеханова, рец., 2017

стов). Язык учебника – производное от концепции, но первостепенный фактор обучения-воспитания филологов. Замечательное качество учебного пособия воронежских авторов – живой, эмоциональный, научный, выразительный и заразительный образ мышления-рассуждения о литературе. Так решается главная задача науки и педагогики – соприродность языка и предмета описания. Камертон задан позицией главного редактора – д-ра филол. наук Т. А. Никоновой.

Пособие освещает полстолетия русской литературы – от вольного Серебряного века до тоталитарного преддверия Великой Отечественной. Проблема выстраивания целостной концепции литературного процесса, разорванного революциями, войнами, эмиграцией, неслыханными по динамике и глубине социально-историческими разломами, упирается в саму возможность такой интегральной системы. Решение, найденное в пособии, органично и потому бесспорно: разноречивый по идеям и программам процесс рассматривается в свете эстетических универсалий – моделей онтологического и ценностного самосознания человека. В разделе «“Антропологический ренессанс” рубежа XIX–XX веков. 1890–1921 годы» (авторы – Е. Г. Мущенко, О. А. Бердникова) названы два фактора, взаимодействия которых оказало определяющее влияние, – нестабильная картина мира и проявившиеся на ее фоне не идеи, а координаты и опоры существования. Это универсалии культуры (вторая смыслогенерирующая реальность), времени (движущая энергия), живой жизни (всеохватный процесс, непрекращаемая сила, требующая непрерывного самообновления). Производные от них – модели творчества, универсалии поэтического космоса, пути, житнетворения.

Действенность моделей подтверждает развернутое описание не только литературы Серебряного века, но и послереволюционных лет, а также вершинных текстов 30-х гг. По мнению авторов, универсалии, суммируя «философское, мистическое и художественное видение», обеспечивают то всеединство, когда «духовное и материальное получали равные возможности» (с. 12). Однако спорным представляется вывод, что «мысль о непрерывности житнетворения сохранялась в искусстве как идея непрерывной традиции» (Там же). Что здесь «идея» – национальный эйдос, т. е. неизменная внутренняя суть изменчивой тенденции, или осознанная цель, настроенность на воспроизведение традиции? Последнее вызывает законное сомнение.

«Непрерывная традиция» – такова концепция пособия, и она плодотворна, когда рассматривает «литературу в органической связи с национальной традицией» (с. 5). Но сама национальная традиция, как известно, включает ту «страсть к разрывам», которая ведет к обновлению через разрушение часто ценой необратимых потерь. Что все-таки сохраняется и проявляется в неожиданном, но узнаваемо родном виде – главная загадка истории русской литературы XX в., если рассматривать ее как дискретную эволюцию. Научная ценность учебного пособия состоит в том, что доказана преемственность всех трех этапов полувекового развития – и модернистских идей Серебряного века, и утопических проектов революционных и 20-х гг., и социально-исторической рефлексии в поэзии и прозе 30-х. Эта преемственность состояла в созревании национальной философии жизни – стихии, воли истории, неизбежного эпического начала. Так литература включилась в процесс житнестроения: проективно – как символисты и футуристы, непосредственно – в пору революции, позже – преодолевая творчеством страх, отчаяние, смерть и бесконечные трагедии.

О стихийном или осознанном выстраивании самобытной философии жизни свидетельствуют авторские максимы, вынесенные в заглавия персональных очерков. Третий из них содержит это слово – в онтологическом, экзистенциальном, творческом, кармическом, эпическом значении: «“Лишь слову жизнь дана”. И. А. Бунин»; «“Можно и должно жить, пока на свете есть любовь и сострадание”. И. А. Куприн»; «“Человек одно, а строй его жизни другое”. А. М. Ремизов»;

«“Жизнь как орудие познания всякой жизни на свете”. Б. Л. Пастернак»; «“Революция сделана для того, чтобы человеку лучше жилось и чтобы он сам стал лучше”. М. Горький»; «“По тем же законам, по которым движется жизнь”. А. Н. Толстой»; «“Платит за прошлое невероятным трудом, суровой бедностью жизни”. М. А. Булгаков»; «“Под крышей каждого куреня коловертью кружилась своя, обособленная от остальных, горько-сладкая жизнь”. М. А. Шолохов».

Определение концепции глав-очерков собственным писательским словом – методологический, научный, этический принцип: выделяя ключевую идею автора, исследователь сразу вводит в образ его миропонимания-высказывания, подчеркивает первичность художественной мысли, обязывает себя к описанию творческого пути как самораскрытия личности в произведениях и поступках. Предмет рассмотрения – «человек и художественная реальность» – представляет героем литературы равно персонажа и автора, а произведение – пространством решения насущных проблем частной и общей жизни. Авторское художественное сознание раскрывается в единстве творческих возможностей и духовного потенциала личности, потому эстетика, теории и философско-художественные системы рассматриваются вместе с биографиями авторов. Коллизии авторской совести и их решения включаются в проблематику произведений, судьба мастера творится как жизненный текст с высокими критериями безусловной подлинности.

Давнее в литературе не является прошлым. Если литература видится частью общей истории, выражением творческой и жизненной воли народа в трагических условиях борьбы за существование, то просто необходим отклик на переоценку фактов и репутаций в ситуации 1990-х гг. – с позиций прозревших «вегетарианцев». Следует поддержать все решения «шепетильных» вопросов истории: после-революционный В. Брюсов продолжает свою миссию организатора культуры, М. Шолохов безусловно признан автором «Тихого Дона», А. Платонов никогда не отступал от идеалов социализма, «красный граф» А. Толстой все-таки искренне работал во благо страны и ее будущего. Только погружение в правду жизни позволяет раскрыть ее как объективную философию с эвристическим потенциалом, а это означает погружение в тайну творческой индивидуальности. Когда очерк Е. Г. Мущенко открывается возгласом восхищения: «Удивительным был этот человек – Евгений Иванович Замятин!» (с. 225), – это обеспечивает высокий и радостный настрой восприятия текстов, ибо личность автора – ключ к его творчеству.

Коллектив, создавший учебное пособие, – действительно, единомышленники, и разделы, посвященные общим тенденциям, написанные одним или несколькими авторами, не диссонируют ни методологически, ни стилистически. Теоретическая опора – идеи М. Бахтина и В. Вейдле, философская – экзистенциальная метафизика Н. Бердяева и М. Хайдеггера, методологические и научные отсылки адресуют к наблюдениям Ж. Нива, Б. Гройса и др. Опыт отечественных литературоведов П. Палиевского и А. Марченко фиксирует объективно значимые характеристики художественного мира Шолохова и Есенина. Пособие не перегружено ссылками на научную литературу, поскольку чрезвычайно высок собственный исследовательский потенциал авторов. Раскрытие философии жизни в русской литературе потребовало указаний на идеи Шопенгауэра и Ницше, но справедливо подчеркивается индивидуальный поиск писателей. Он выражает общий исторический, природный опыт включенности в энергичные процессы в мире и в человечестве, а также личную рефлексию, переживание потребности единения с целым – вместе с радостью и с неоднозначными последствиями.

Литературоведческая позиция авторов книги традиционная, т. е. гуманистическая. Она требует духовно-интеллектуального резонанса с текстом как с живым процессом смыслопорождения: развития героя, лирического сюжета, становления языка и формы. Художественная реальность видится не сугубой игрой знаков

с означаемым, не заведомой условностью, но самобытной ценностью – пространством решения насущных задач, значимость которых оценивается в масштабе духовных и социальных проблем истории. Этот подход сполна реализован в раскрытии творческих индивидуальностей поэтов и прозаиков.

Поэзия рассматривается как способ мышления и образ пресуществования идеального в мире. Теоретические позиции художественных направлений поданы кратко (особенно символизм), но самобытно – не по известной схеме, фокус смещен на творческую практику, персональные очерки иллюстрируют развитие идей и преодоление их заданности в эволюции поэта. Глубина раскрытия индивидуального мира компенсирует ограниченный выбор персоналий: так, старшие символисты представлены только В. Брюсовым, младшие – А. Блоком, зато акмеисты – Н. Гумилевым, О. Мандельштамом, А. Ахматовой. Очевидна предрасположенность исследователей к анализу классической по форме поэзии в ее тяготении к религиозно-мистическому миропониманию. Одна из главных задач – интерпретация загадочных образов и текстов. Интересна трактовка О. Бердниковой содержания и финала поэмы «Двенадцать» – это «духовный итог пути Блока, прозревшего “вперед” Христа как вектор и эпилог национальной и мировой истории, как источник вечной Жизни, преображенной в Красоте» (с. 53). Такова функция учебного пособия – предложить решение проблемы как определение не только позиции автора, но и как объективное содержание системы его миропонимания.

Вместе с тем наметилось некое противоречие: рассмотрение неклассических моделей мышления как открытия культуры XX в. совершается главным образом на классическом по форме материале, в то время как авангард остается на периферии внимания. Так, поэтическая система В. Хлебникова представлена внутри общего очерка о русском футуризме, хотя справедливо акцентирована самобытность российского направления. Творчество В. Маяковского рассмотрено только в советском контексте, существенно упростившем его образ мышления. Описание абсурдистской поэзии ОБЭРИУ указывает на «цисфинитную логику» как способ преодоления границ рассудочности, но упускает метафизическую направленность поиска в игровой и заумной форме. Поэтому следует с осторожностью воспринимать следующий вывод: «Можно утверждать, что ОБЭРИУты стремились не выразить невыразимое (как модернисты), а продемонстрировать невозможность этого» (с. 324). Н. Заболоцкий справедливо обособлен как поэт с собственным путем, но этапы и хронология его развития не прослежены, а стихи разных периодов рассматриваются как единый текст. Некоторые очерки о поэзии, к сожалению, содержат опечатки, касающиеся имен, дат и судеб.

В описании прозы тоже недостаточное внимание уделено неклассическому по форме модернистскому роману. А. Белый, автор «Петербурга», упомянут только как теоретик символизма, зато расширено представление об особой версии модернистской прозы – «неореализме». Ему посвящен специальный раздел, в который включены не только Е. Замятин и А. Ремизов, но и не входивший в группу Л. Андреев, чья эволюция от реализма к модернизму прописана в убедительном разборе романов и рассказов.

Реалистическая проза И. Бунина, А. Куприна, А. Толстого, М. Горького, М. Шолохова, онтологическая А. Платонова, синкретическая М. Булгакова, модернистская В. Набокова получили глубокое прочтение и самобытное истолкование. Судьбы рассматриваются, исходя не из идеологии (и конъюнктуры), а из идеалов авторов, и тогда история предстает как трагедия в лицах. Так, Т. А. Никонова, вопреки сложившейся тенденции нивелировать фигуру «бывшего Главсокола», подробно проанализировала ключевых героев дореволюционного и послереволюционного романов – Фому Гордеева и Клим Самгина. Эволюция психологизма свидетельствует об огромном творческом потенциале Горького

и о его прозорливости – предсказании вырождения русского интеллигента в интеллектуала. Отбор текстов совершается не по критерию качества, а по особой значимости для автора. Роман «Мать» рассмотрен в контексте проективных надежд на формирование нового социального типа – рабочего-интеллигента, и крушение упований показано одной из причин горьковской оппозиции в 1917–1918 гг. Так тема человека и художественной реальности раскрывается во всех измерениях – социальном, психологическом, творческом, историческом, утопическом, трагическом.

Еще одна диспропорция между концептуальной идеей и отбором материала сказалась в освещении эволюции театра и драматургии. В характеристике Серебряного века справедливо акцентировано тяготение к Театру и театрализации жизни как проявлению игрового мышления, глубинной потребности в действиях и зрелищах (пример тому – исследование пра-дионисийства Вяч. Иванова). Действительно, игра – яркая и заразительная форма неклассического мышления. Но дореволюционная драматургия в пособии почти не рассмотрена (кроме Л. Андреева и М. Горького), а послереволюционная освещена преимущественно обзорно. Анализируются пьесы конца 20-х и начала 30-х гг., когда стихия революции иссякла, а дискуссии об эпическом театре, сатире и трагедии на деле утверждали канон. В пособии глубоко и интересно раскрыты образы героев революции на советской сцене, авторы исходят из необходимости «психологической мотивировки основной сюжетной коллизии» (с. 452) для развития драматургии и самого театра. Думается, установка гуманистического литературоведения вступает в противоречие с объективной тенденцией: апсихологизм или игровой психологизм ранней советской драмы (В. Маяковский и др.) был не только агиткой в действии, но выражал тот самый интеллектуальный поворот к неклассическому мышлению в социокультурной политике и практике; поэт ярко использовал открытия модернизма, в том числе суггестивный потенциал примитива. Материал пособия рождает вопрос для размышления: как заявила себя стихия игры во «взвихренной Руси» и какие скрытые формы она могла находить, когда канон (игра по правилам) превращал художественную реальность в навязываемый образ действительности?

Учебное пособие, которое побуждает к размышлению, служит актуальной задаче – учит воспринимать историю литературы как эвристическое пространство. Новизна может состоять в отборе материала – и описание литературного процесса Серебряного и революционного века без упоминания имен Вяч. Иванова, Л. Леонova, М. Пришвина, М. Цветаевой и др. выдвигает на первый план подробно представленных Л. Андреева, Н. Заболоцкого, Е. Замятина, А. Ремизова, что тоже значимо, поскольку отражает приоритеты научной и педагогической мысли. Нельзя объять необъятное, тем более силами небольшого, даже высокопрофессионального коллектива, но то, о чем рассказано с любовью и вдохновением, становится действующей силой культуры.

Учебное пособие воронежских авторов одновременно традиционное и инновационное. Оно рассматривает литературу как часть национальной истории, со всеми детерминантами социального порядка. Социалистическое по духу творчество продолжало традицию русского идеализма в его бескомпромиссности, сквозной линией проходит исследование этого опыта философии жизни. В анализе реалистических, жизнеподобных текстов раскрывается коллизия взаимодействия традиционного мышления с неклассическим – и в решении гуманистических проблем, и в образе миропонимания героев и авторов, и в экспериментах с языком и формой. Увидеть неклассическое в, казалось бы, узнаваемом – заслуга идеологов проекта, но и коллектива в целом.

Новизна учебного пособия, написанного преподавателями кафедры русской литературы Воронежского государственного университета, состоит в соединении

культурологического горизонта мышления с глубиной психологического анализа текстов. Цель преподавания – не только информационно-теоретическая подача материала, но его духовная проработка, т. е. сохранение за литературой ее неизменной жизнестроительной миссии – воспитания чувств, мышления, творческих способностей человека.

I. I. Plekhanova

*Irkutsk State University
Irkutsk, Russian Federation, oembox@yandex.ru*

A guide to the artistic reality

Russkaya literatura XX veka: ucheb. posobie: V 2 ch. 2nd ed., corr. and comp. /

Ed. by T. A. Nikonova. Voronezh: Izd-vo VGU, 2016. Ch. 1: Chelovek i khudozhestvennaya real'nost' v literature 1890–1940-kh godov. 484 p.

(Russian literature of the 20th century: a textbook: In 2 vols.

Vol. 1: A man and the artistic reality in the literature in 1890–1940s.

T. A. Nikonova (Ed.), 2nd ed., corr. and comp. Voronezh, VSU, 2016, 484 p.)

The analysis evaluates not only the concept of the history of the literature presented in the textbook, with the Silver age and 1920–1930s considered, but also the proposed principles of material selection (directions and authors), correspondence between facts and interpretation of the literary text. The authors of the book proceed from the tradition of examining the literary process in connection with sociocultural and historical events. Special attention is paid to the change of mentality – formation of the non-classical worldview and its influence on the aesthetics, ethics, and the prospects of maintaining national cultural tradition. Half a century of a literary history reveals a search for the new supporting coordinates and transformation of the Russian idealism in its claims for the universal prevalence.

The literary process is shown in the light of the aesthetic universals – models of ontological and value-based self-consciousness of a person. These are the universals of culture (second sense-generating reality), time (driving energy), animated life (all-encompassing process, indisputable force, demanding uninterrupted self-renewal). A historical succession of different eras manifests itself in the maturation of the national philosophy of life – force of nature, waves of history, and persistent epic origin. The delivery of the material combines conceptual chapters reviewing the directions (central cultural tendencies, Russian symbolism, Acmeism, Russian futurism, neorealism, emigration, dynamics of the revolutionary literature in the 1920s and 1930s) and creative portraits of their representatives – poets, writers, and playwrights. The methodology of unraveling the literary process combines humanistic literary studies with aesthetic analysis of artistic systems. It is expressed in the subtitle of the textbook – «A man and the artistic reality». Writer's plights (I. Bunin, A. Kuprin, A. Tolstoy, M. Gorky, M. Sholokhov, A. Platonov, M. Bulgakov) are viewed not from the point of ideology (or conjuncture), but from the point of authors' ideals, so the literary history is presented as a personified tragedy. A remarkable quality of the textbook is its lively, emotional, scientific, expressive, and contagious mode of thinking-deliberation on literature.

Keywords: literary history, non-classical worldview, universals, traditions, Silver age, revolutionary literature, socialist realism.

DOI 10.17223/18137083/61/26